

12+

Владимир Калягин

Меридиан доверия

Владимир Калягин
Меридиан доверия

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Калягин В.

Меридиан доверия / В. Калягин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В этом сборнике продолжение цикла стихов «От Чукотки до Крыма» о любви к родному краю. И горькие воспоминания о нищем послевоенном детстве. Для оформления обложки использована иллюстрация с сайта Pexels автора Tobias Vjørkli.

Я и теперь мечтаю в упоенье,
Что где – то есть, лишь навести мосты,
Меридиан согласия и доверья
И широта любви и доброты.

Их отпечаток на лице на каждом,
И те, что к власти выдвинул народ,
Живут, и лишь, заботами сограждан,
Не как у нас. Здесь всё наоборот.

Зверья в лесу и лес не истребляют:
Запрет в душе и нет иных оков.
На слово все, друг другу, доверяют
И нет нигде запоров и замков.

Душа и совесть – высочайшей пробы.
Из встречных глаз незамутнённый свет.
Нет зависти, а значит, нет и злобы,
Нет клеветы, и значит мести нет.

Здесь не найдёте хижины убогой,
И не с того ли счастливо живут,
Что чтут каноны посланные Богом
И лишь его в свидетели зовут.

И мне б туда, от этой жизни скудной,
Да что там, многим с ними по пути,
Но груз грехов, скопившихся подспудно,
Но зыбок мост, его не перейти.

В мороз мечта о лете душу греет.
Ах, как зима медлительно ползёт.
Куплю билет, на счастье, лотереи,
А вдруг и в самом деле повезёт.

С чего, не знаю, но я верю в это,
В то, что с удачей может быть интим.
Сойдётся всё и мы с тобою в лето,
В тропические кущи улетим.

Так ясно вижу, будто на экране,
Всё от души, хорошая, владей,
Зелёный остров где-то в океане
И мы одни, и ни каких людей.

Лазурь небес и крик протяжный чаек.
Деревья, птицы – как одно звено.
Волна тела ласкает и качает
И всё, как есть, любви подчинено.

В душе надежда и билет в кармане,
И червь сомненья душу не грызёт,
Пусть Госпожа Удача не обманет,
Слетит с небес, а может приползёт.

Я память свою не неволю
Вся жизнь у неё на виду.
И вновь по весеннему полю
Глаза, лишь зажмурю, иду.

Натруженный дизель заглушен.
Слепит синевой вышина.
И льётся в оглохшие уши
Чистейшей воды тишина.

Рассветная веет прохлада
и с нею, как лучшая новь,
И лай, и мычание стада,
И поздняя песнь петухов.

И, слушая звуки деревни,
Себя я на мысли ловлю,
Что мир этот юный и древний
И в каждой былинке люблю.

Деревню, у гор на приколе,
Ручей, он деревней храним,
И это вот самое поле,
И это вот небо над ним.

А запах солярки и пота
Кочуют в рассоле со мной,
Так пахаря пахнет работа
В заботе о хлебе, весной.

И с этой заботой всегдашней,
С крестьянской жаждой к труду,
Я только что вспаханной пашней
Все годы сквозь память иду.

Бреду по полю, приминая клевер
За ним грибные, по горам, места.
В душе моей занозой Крайний север,
Но жизнь была бы без него пуста.

Сидит как в кладке огранённый камень,
Пусть там меня уже никто не ждёт
И всё ж моя, хранитель фактов, память
Забуть и заблудиться не даёт.

Вот, я в дороге – мне девятый годик,
И страх чего-то нового грызёт –
Колёсный, допотопный пароходик
В Норильск, меня пугающий везёт.

Всё было пацанёнку в удивленье,
И я весь день на палубе с утра.
Несёт реки могучее течение
Плоты с кострами, баржи, катера.

А Енисею в этом нет обузы,
Всё, как и рыбу, примет в обиход
И вот Дудинка. Вытолкнувший грузы –
Огромный, океанский пароход.

И паровоз, пыхтящий, под парами.
Свистки, гудки – куда, на что смотреть?
В деревне бы, увидев меж дворами,
От страха точно мог бы умереть.

В окно вагона – тундра в жёлтой краске.
Для взора голый и щемящий вид.
И, вот, Норильск в колючей опояске,
Угрюмый, как базарный инвалид.

Заборы, вышки – лагерей приметы
Житейская, зловещая среда.
Всё в окруженье было под запретом,
Себя я эком чувствовал тогда.

Есть, что хранится в памяти нетленно.
Забуть не сможешь, кажется, вовек,
И вой, оповещающий, сирены,
Что вновь, в Норлаге совершён побег.

Лай, топот, лязг – идёт повальный обыск
И вздох невольный приведёт к беде.
Молись и бойся, обошлось бы чтобы
От подозрений слуг НКВД.

И я с утра, успеть бы до уроков,
Бежал, глотая от волнения снег,
Взглянуть хотелось, как бы ненароком,
Кто этот смелый, дерзкий человек.

Смельчак лежал распластаный на нарте
Оскал собак и «попка» с ППШа,
А я сидел раздавленный за партой –
Моя, за зэка, плакала душа.

Куда сбежишь – вокруг без края тундра,
Но в человеке есть свободы ген;
Глоток свободы, хоть один, а утром
Тебя чекистам сдаст абориген.

Всё это помнить – не из лёгких доля.
Звон кандалов, овчарок голоса.
Бреду забывшись. Предо мною поле,
Как промелькнувшей жизни полоса.

Не замечал я от судьбы участия.
Всё вперемешку, и добро, и зло.
Волной накатит полоса ненастья,
Перетерпел и в чём-то повезло.

Вот, на растяжках пригвождён к кровати.
Терплю и боль, и немощности стыд.
В тринадцатой, так выпало, палате
Больничный обустроиваю быт.

Лежать и утомительно, и нудно,
Тот стонет, этот охает не в лад,
А то надсадный выкрик – няня, судно –
Из близлежащих слышится палат.

Ах, няня – боль снимающее средство.
В её улыбке, ласковости глаз
Есть что-то, в нашей памяти, из детства.
От вынянчившей каждого из нас.

Вот привезли, почти нелепа поза,
Он, матерясь, отходит от наркоза,
Но полежал в палате, пообвык
И ожил, и обычной проза
Приходит человеку на язык.

С надеждой тайной, что не стать калекой
Прислушиваюсь к звукам новостей
Хирурги, слышь, собрали человека,
А был мешок изломанных костей.

И верить в это хочется и надо,
И голос няни – миленький держись –
А за окном и дальше за оградой
Кипит, зовёт ликующая жизнь.

На исходе июль,
Но с чего-то не верится в это;
Так спасительна тень,
Так полуденным солнцем печёт.
Колесом под уклон
Покатилось безудержно лето
Неприметно, как жизнь,
Так вода между пальцев течёт.

Летом данных даров
Полной мерой вкусить не успели,
Мы ещё, как всегда,
Ни чего не успели понять,
Столько ждали и вот
Благодатные дни пролетели,
Будто скорый прошёл
И его, ах как жаль, не догнать.

И пока к северам
Холода подступают несмело,
Как послушный адепт
Я запросы души утолю,
Чтобы в прочный загар
Приделось послушное тело,
В полный рост, как радар,
Каждой клеточкой солнце ловлю.

Я ныряю в траву,
В ней клубника пылает пожаром,
И густой аромат,
Как вино с придыханьем цежу.
Сладким даром земли,
Как и с неба, свалившимся, даром,
Ни куда не спеша,
Кузовок, что с собой, нагружу.

Прочь уходит июль,

А поверить не хочется в это,
И спасительна тень,
И полуденным солнцем печёт,
Но уже под уклон
Покатилось безудержно лето
К нашим, жизни летам
Добавляя безудержный счёт.

На руках и в душе
Много разных отметин и шрамов
От забот и трудов,
Что привык я тащить за троих.
Захребетником быть,
Вот такого не вынести срама,
Перед родом моим,
Перед памятью предков моих.

Я себя не щадил
И теперь ни о чём не жалею,
Пусть и сердце шалит,
И надорванный ноет хребет.
Кто-то рядом словчил -
Стала ноша моя тяжелее.
Кто-то дальний схитрил –
Я и тут рикошетом задет.

И хитрят, и ловчат –
Много их у народной кормушки,
Загребущие руки
Запускающих в общий карман.
Дорогие для нас,
Им святыя слова – погремушки.
Обещают одно,
На поверку – всё тот же обман.

Но всё круче и злей
Над страной обновления ветер.
Распрямяются плечи,
Не надо и поздно мешать.
Полшага, но вперёд.
Время строгое каждого метит:
Кто ты, с кем, за кого –
Надо нынче, товарищ, решать.

Слушай время своё.
Слышишь труб ободряющих звуки.
Время землю пахать,

Хватит в старой копать золе.
Нынче очень нужны
Патриоты, их чистые руки,
Чтоб из праха восстать,
Возродиться родимой земле.

Живу давно среди улиц городских
К его делам и я, что смог, приложил,
Но, как пороков скопище людских,
Во мне деревни он не уничтожил.

Я к ней стремлюсь, вот так и верный пёс
Хозяина, что кинут им же, ищет.
Там родники, там чистый свет берёз.
Там воздух сам, там сами люди чище.

И я всё чаще, в сутолоке дел,
Задумаюсь, примериваясь к ноше,
А что сказал, а как бы посмотрел
На то Семён Андреевич Аёшин.

Ах, наш добрейший дедушка Семён.
Он на проделки наши лишь грозился
И если был уж слишком удивлён,
– К скорбям вас – скажет, тем и обходился.

И я живу с сознанием вины –
О, сколько им воздать мы не сумели.
Дед вшей принёс, и костыли – с войны,
Ещё медали и осколки в теле.

И вновь, с бабьём, тянуть совхозный воз.
Не выбивал, а мог бы, привилегий.
Гнул полоз, обод, дуги из берёз,
Чинил, латал сараи и телеги.

И мне, пусть в жизни мало понимал,
Вонзались в сердце острые иголки,
Когда с ноги он валенок снимал,
И на пол, с кровью, шлёпались осколки.

Дед был почти немислим без труда.
Любил, коль случай был, повеселиться.
Остались мне из детства навсегда
Их, добротой светящиеся лица.

Избавившись от всех житейских мук

Они давно с бабулей на погосте,
А я, забывшись, вспоминаю вдруг,
Что к ним поехать собираюсь в гости.

Зовут, зовут родные берега,
И сколько б лет я в городе не прожил,
Деревня мне мила и дорога
До придыханья, до сердечной дрожи.

Вот проснулся опять среди ночи
Без каких либо явных причин.
Сердце что ли мне исподволь точит
Недописанной песни зачин.

Может лайнер под ветром жестоким
Исчезает в морской глубине
И матросских сердец биотоки
В этот миг долетели ко мне.

Может ветры тугие домчали
Боль войною терзаемых стран,
И грохочет морзянкой печали
До конца не завёрнутый кран.

Я мечусь по квартире – до сна ли.
Успокоена в кране вода,
Но о тайном, о чём – то сигналист
Из глубин мирозданья звезда.

Нет, я знаю, проснулся недаром:
Беспокойному сердцу невмочь =
Всем своим человеческим жаром
Сердца, хочется людям помочь

Заслонить их надёжной бронёю.
В шахте, в море и в небе – сберечь.
Чтоб звучали всегда над землёю
Детский смех и счастливая речь.

Отшумели и – вдаль,
Много разных и радостных вёсен,
Можно было когда
Колобродить и даже чудить,
И по этим следам
Будет долго искать меня осень;

Туго смотан клубок
И длинна Ариаднина нить.

Я не горбясь, шагал
По расхристанным жизни дорогам,
Снисхожденья себе
Никогда у судьбы не просил,

Не прошу и теперь
И пока воздержусь от итогов:
Много в теле ещё
И в душе нерастраченных сил.

Есть мне, чем дорожить,
Что любить и что нежно лелеять;
Есть семья, есть друзья,
И прекрасный России народ,
Есть родная земля,
За её процветанье болею
И у Бога прошу
Оградить от воров и невзгод.

Не нажил я врага,
Не завёл для себя и кумира.
Я в рабах не ходил,
К господам умиления нет.
Хлеб по братски делил
С эскимосом, якутом. башкиром,
Сбит по-русски отец
И хакас был, по матери, дед.

И поверил всерьёз
В то, что все мы и сёстры, и братья.
Всем нам солнце одно
И ветрами одними сечёт,
Кто темней, кто светлей –
Одеваемся в разное платье

Цвета алого кровь
В наших жилах у всех нас течёт.

Не сдержала напора запруда
Треснул лёд, и ...пошло, понесло.
Ах, весна – развесёлое чудо,
Животворных лучей ремесло.

Потянуло с небес, как от печки.

Скинув шубу иду – благодать.
Жеребенком, не знавшим уздечки
Не могу своих чувств обуздать.

Так и волку из клетки – до боли
Сладкой волею видится лес
Вот и я – в неоглядное поле,
Под сияющий полог небес.

Там опять и отважен, и молод,
И не пробуй душе возражать.
Изумлёнными взорами город
Будет в спину меня провожать.

И в степи, вечно юной и древней,
Отмечая польни струю,
Я почувствую сердцебиением
Деревенскую сущность свою.

И предстанут отжившие были;
Юрты, этим же солнцем согрет,
Вдоль отары, на резвой кобыле,
Скачет, властью замученный, дед.

Не понять, не принять
Их, душе непотребные, страсти,
Лишь бы стол, лишь бы стул –
И на нем протирают портки.
Через грязь доползти,
Пусть, в начале, до маленькой власти –
Кто поближе к котлу –
Пожирнее хватает куски.

Я конечно чудак:
Мне хватательный норов не ведом.
Это скажет жена,
У друзей закадычных спроси.
За бутылкой вина
Мы с моим обсуждали соседом,
Кто же лучше других
В наше время живёт на Руси.

Перечислил сосед
Рыбаков, сталеваров, шахтёров,
Хлеборобов приплёл
И виски от натуги потёр.
Я напомнил ему

Про сидящих трудяг по конторам,
Что не сможет до них
Дотянуться рыбак и шахтёр.

Лишь бы больше урвать,
Больше хапнуть – такая порода,
И туда, за бугор –
От народа припасы скрывать.
Миллион, миллиард
Умыкнуть у страны, у народа,
И оттуда на нас,
На России дела наплевать.

Яхты, замки – у них.
Не проникнуть, ни щёлки, заборы.
Мне, порою, их жаль –
Есть такая, в характере, слабость.
Но найдутся и там,
Слабаки до халяв – «рэкитёры»,
Что живут, как они,
Под девизом, награблено – грабь.

Как ребёнок я сплю
С символическим, чисто, запором.
Что я нажил трудом,
У друзей моих, знают, спроси.
В чёрном теле народ,
Что России родимой опора.
Лишь мздоимцам, вора
Припеваючи жить на Руси.

Слепое, к хлебу, поклоненье в генах,
И тут же, с хлебом, память о войне.
С тех пор любая очередь мгновенно
Тревогой отзываются во мне.

Стоянья те забудутся едва ли.
С тоскливой думой, притулиться, где б,
Часами мы безропотно стояли,
Чтоб отоварить карточки на хлеб.

В ногах и в теле, с ощущением боли,
Стояли, вплоть, подпёртые с боков,
А очередь, рабочий возраст в поле,
Сплошь из детей была и стариков.

Плелись, домой, одолевая беса,

А он на ухо норовил шепнуть –
Ну кто узнает, если съешь довесок,
И так хотелось крошку отщипнуть.

Семья меня, конечно бы простила,
Но красть, я верил, превеликий грех,
И верил, тётя. что меня растила,
Разделит пайку поровну на всех.

Что хлеба вдосталь, верилось не очень.
Боязнь и страх саднил в душе всерьёз,
Когда меня, тот ад прошедший, отчим,
В Норильск, от глаз зашторенный, привёз.

Я долго находился в сильном крене,
Совсем не просто душу отогреть,
Мальчишки – поиграть на перемене,
А я – на хлеб, что есть он, посмотреть.

Живём пресытятся хлебом даже белым.
Мы знаем, что он есть и будет впредь,
Но вновь иду я к хлебному отделу
Не впрок купить, а просто посмотреть.

Родни по маме – как в лесу деревьев,
А по отцу – лишь двое сыновей.
Биджа, к горам прижатая деревня,
Начало биографии моей.

Слепец и мальчик, как судьбы причуда,
Пришли в Биджу промозглым октябрём.
Ни кто не ведал, странники откуда,
А мальчик, при слепце, поводырём.

Им, с состраданием, кулеша горячего,
А отдохнули да набрались сил,
Добрейший мельник старика незрячего
Про малыша, что был с ним, спросил.

И услышали в мельничной обители,
И порешили – горькая судьба.
– Враз в Енисее сгинули родители,
А ребяташек – полная изба.

Я стар и слеп, жена давно преставилась.
Детишки – по соседям, по родне.
Всегда деревня доброю славилась,

А этот, Миша, младшенький, при мне.

И я терзаем непосильной ношею
Одна забота –Господи, прости :
Пристроить бы внучка в семью хорошую,
Со мною сгинет где-нибудь в пути.

Со мной, понятно, что уж тут секретного,
Живу, считай, что на пределе сил.-
И Добрый мельник мужика бездетного
Усыновить мальчишку упросил.

Слепец исчез, ни слуха о бродяге,
И где гнездо к своей кончине свил.
А тот, бездетный, Феофан Калягин
Мальца, что мне отцом, усыновил.

К семье малец, как божий знак, прибился.
Взрослел, учился у приёмных жить.
В хакасочку, что мамой мне, влюбился,
На ней женился и пошёл служить.

Призвался, моего не выждав старта,
В чём, и понятно, нет его вины.
В сороковом, пятнадцатого марта
Явился я на свет в канун войны.

И снова вижу, лишь прикрою веки:
Пурга. Норильск конца сороковых.
С дороги снег счищающие зэки
И злобный лай собак сторожевых.

И держит память, мне ведь было восемь,
И хриплый лай, и этот, прорвой, снег,
И как, украдкой, чтобы хлеба бросил
Мне измождённый крикнул человек.

Кромсая булку я кидал украдкой,
И страх в душе, и жалость укротив,
И матерился больше для порядка
Седой охранник псов окоротив.

А дома тихо мама возмущалась:
За связь с зэка бедой грозило нам,
Но то, что взрослым строго воспрещалось
С руки сходило как-то пацанам.

Мне не забыть те жуткие колонны.
Пургу. Норильск конца сороковых.
Колонн несчётных топот монотонный
И хриплый лай собак сторожевых.

Уже терпенья исчерпалась мера
И на душе унынье и разброд,
И баня, будто клуб пенсионеров,
И больше, для души – громоотвод.

Здесь мужики сибирского замеса,
В вопросах пара – каждый за спеца.
А пар придавит, хоть, считай, без веса,
Из тела выжмет влагу, будто прессом.
И снимет спесь с любого удальца

И веник, лучше всякого компресса
И, несомненно, лучший массажист.
Отходит так, избавишься от стресса
И от хандры, и от излишков веса,
И в лучшем свете вновь предстанет жизнь.

Европа пусть довольствуется душем,
А здесь – Сибирь. Мороз. О том и речь.
Нам банный пар и чтобы был посуше,
Чтоб до нутра, чтоб трубочкою уши,
Чтоб душу – греховодницу обжечь.

С полка, в предбанник, здесь, в накал, дебаты.
Разделяют любого под орех.
Наотмашь – олигархов, депутатов,
А для Чубайса – так отборным матом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.